

## Путевые медитации как лирический жанр

*Завьялова Елена Евгеньевна*

*молодой ученый*

*Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия*

*zavyalovaelena@mail.ru*

К медитативной лирике относят стихотворения, строящиеся «как непосредственные созерцания, индивидуализированные “умозрения”, направленные к постижению сокровенных закономерностей бытия...» [Муравьев: 520], это «интуитивно–темное предчувствие элементарных прообразов, духовное видение символов» [Wilpert: 140–141].

Понятие «медитация» значительно шире понятия «жанр», медитации не имеют строфических и метрических закономерностей, исследователи используют для их идентификации слова «вид», «группа», «стиль», «метажанр». Из общей массы текстов выделяется особый тип, названный Г.Н. Пospelовым медитативно–повествовательным [Пospelов: 159]. В таких произведениях лирический субъект, размышляя о жизни, «перемещается в пространстве и времени».

На наш взгляд, исходными в подобных текстах являются впечатления **извне**. В связи с этим не можем согласиться с мнением Р.С. Спивак, причисляющей данную модель к построенной на метонимии философской лирике [Спивак: 34]. Не случайно широкую популярность получила фраза И.А. Бунина: «Философия начинается с удивления» [Кузнецова: 292].

Внимание лирического субъекта сосредоточено не на происходящих событиях, а на сменяющихся картинах (чаще всего пейзажных). Следовательно, такие тексты принадлежат к описательно–медитативной группе. Чтобы как–то отделить данные произведения от статических зарисовок, можно обозначить их традиционными определениями: «путевые», «дорожные». При этом первое из них предпочтительнее: Ю.М. Лотман указывает, что дорога есть «некоторый тип художественного пространства», тогда как путь есть «движение литературного персонажа в этом пространстве» [Лотман: 428]. В мировой поэзии подобная лирика получила широкое распространение, а значит ее выделение вполне обоснованно.

Находясь в движении, лирический субъект описывает, что видит (чаще всего природные ландшафты), какие чувства при этом испытывает и на какие мысли его наводит увиденное. В соответствии с указанной тематикой движение героя поступательное, точка зрения фиксирована, время приближено к реальному. С изменением угла наблюдения связаны частые перечисления. Ритм стихотворения нередко подчиняется ритму передвижения героя; часто для этого используется звукопись. Позиция лирического субъекта, как правило, предельно близка к позиции автора. Он не является внеситуативным зрителем, а показывается в своей **индивидуальной неповторимости**.

Типовая модель таких стихотворений имеет следующую композицию. В «мини–экспозиции» обозначается способ, условия перемещения. После этого дается самоценная зарисовка: ее конкретность, подробность позволяют поэту достигнуть точности и глубины образов. Параллельно отображается течение мысли героя: для путевой медитации неприемлемо накопление и анализ материала «вне текста», читатель не должен получать лишь «конечный результат» мыслительных операций, как это часто происходит в других жанрах. Заключение содержит философские обобщения. Особо важен при этом универсальный структурный **принцип возвращения**, поскольку «описательная» часть при сопоставлении с «рефлексивной» обнаруживает скрытое прежде семантическое содержание.

Соотнесение, сцепление, взаимопревращение предметов мира, ощущений и мыслей открывает тайные связи сущностных сторон бытия. С одной стороны, показывается относительная самостоятельность и самоценность каждого явления жизни, с другой – их единство. Вопреки внешней дробности, дискретности появляется ощущение непрерывности, целостности; индивидуальное открывает общезначимое. Все это адекватно отражает сложные, противоречивые концепции личности и мира.

Наиболее древним типом путевых медитаций является подгруппа, повествующая об одиноком **путнике** (страннике, скитальце, пилигриме, прохожем, пешеходе и т.п.). Если в первой трети XIX в. на дорожную тему было создано много философских стихотворений, то с конца 1830-х гг. постепенно увеличивается число медитаций. В 1880–1890-е гг. к жанру путевой медитации обращаются практически все поэты. В произведениях отмечается трудность, продолжительность пути. Дорога символизирует жизненные испытания человека, конечная цель путника неизменно соотносится со смертью, с неотвратимостью Божьего суда.

Способ передвижения лирического субъекта влияет на его физическое состояние, физическое состояние – на ход его рассуждений. Вторая подгруппа – это стихотворения, в которых наблюдатель не передвигается пешком, а **едет** в карете, кибитке, повозке, на телеге, дрожках, санях и т.п. Их можно условно назвать «трансдуктивными» (от лат. *transductio* – перемещение). По понятным причинам кругозор и движения лирического субъекта ограничены. В большинстве случаев подчеркивается зависимость героя от обстоятельств, беспомощность, суетность мыслей, необузданность желаний. В «трансдуктивных» медитациях чаще ведется полемика (главным образом, скрытая) с некоторыми положениями христианского вероучения, в частности подвергается сомнению концепция теодицеи.

Наиболее ярко указанная закономерность прослеживается в текстах, описывающих передвижение **по железной дороге** – научно–технический прогресс вносит свои коррективы в образные номинации. Особое значение приобретают стальные рельсы, воплощающие жесткость, неотвратимость судьбы, и большая скорость, отображающая стремительность времени, безвозвратность мгновений. При этом в традиционном концепте дороги актуализируется идея фатальности (см. «На поезде» А.А. Голенищева–Кутузова: «*Раб слепой слепых законов, / Мчится поезд в тьме ночной*»).

К концу XIX в. путевые медитации становятся настолько популярными, что появляются пародии на них («Осенняя виньетка» Д.Д. Минаева, «В альбом» С.Я. Надсона и др.). Тексты, наиболее точно соответствующие инварианту (например, «В этих бледных снегах...» П.С. Соловьевой), уже не несут собственно поэтической информации. Предпринимаются попытки **обновления формы**. Типовые знаки упорядоченного движения (традиционные размеры, урегулированный ритм, акаталектика, параллелизм и пр.) заменяются причудливыми построениями, то нарушающими, то восстанавливающими инерцию ожидания.

#### Литература

Кузнецова Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство. Т. 84. Иван Бунин: сб. материалов: в 2 кн. Кн. 2. М., 1973.

Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 2. Таллинн, 1992.

Муравьев В.С. Медитативная лирика // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2003.

Поспелов Г.Н. Лирика: Среди литературных родов. М., 1976.

Стивак Р.С. Русская философская лирика: 1910-е годы: И. Бунин, А. Блок, В. Маяковский. М., 2005.

Wilpert G. von. Sachwörterbuch der Literatur. Stuttgart, 1989.